

В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей

К ИЗУЧЕНИЮ РОЛИ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ НАРОДОВ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Общеизвестно, что миграциям населения принадлежит весьма существенная роль в этнических процессах. Однако в разные периоды истории человеческого общества эта роль далеко не одинакова. Особенно велика она, несомненно, на ранних этапах. Положив начало заселению современной ойкумены, массовые миграции явились важнейшим ингредиентом этнических процессов вплоть до средневековья. Но и на протяжении всего этого огромного отрезка времени характер таких перемещений не оставался неизменным. В частности, особо можно выделить те переселения народов, которые были связаны со становлением и развитием раннеклассовых отношений. Наиболее известное проявление этой категории массовых миграций представляют «великие переселения народов» в Евразии. Такого рода переселения, связанные с процессом классовобразования, и являются предметом рассмотрения в настоящей статье с целью некоторого уточнения существующих представлений, об их роли в формировании новых этнических общностей.

Переход от доклассового общества к классовому, как известно, сопровождался заменой основных этнических ячеек первобытнообщинного строя — «племен» новыми, более крупными этническими общностями, которые в нашей литературе принято обозначать термином «народность». Массовые миграции чрезвычайно ускоряли этот процесс, причем перемещение одной этнической общности на новую территорию, как правило, влекло за собой столкновение ее с уже обитавшей здесь ранее другой общностью. Вследствие неравномерности общественного развития такие этнические общности обычно находились на разных социально-экономических уровнях и их столкновение нередко в конечном счете завершалось тем, что местное население оказывалось завоеванным пришельцами. В социальном отношении эти завоевания, как и любые другие, могли иметь тройкий исход: 1) завоеватели навязывают побежденным собственный способ производства; 2) победитель оставляет существовать старый способ производства, довольствуясь данью; 3) происходит взаимодействие двух способов производства — завоевателей и побежденных, в ходе которого возникает новый способ производства¹.

В этническом отношении последствия завоеваний, связанных с переселениями народов, могут быть сведены также к трем основным вариантам²: 1) завоеватели полностью ассимилируют побежденных; 2) победители почти бесследно растворяются в аборигенах; 3) происходит

¹ См. К. Маркс, Введение (Из экономических рукописей 1857—1958 годов), К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 722.

² Не считая, разумеется, тех случаев, когда такого рода завоевания приводили лишь к длительному и сравнительно изолированному сосуществованию на одной территории двух различных этнических общностей.

синтез этнического суперстрата и субстрата³, в ходе которого возникает новый этнос (разумеется, субстрат и суперстрат сами могли быть многослойным продуктом предшествующего синтеза.)

Этническая история человечества дает бесчисленное множество примеров третьего варианта. В свою очередь, он может быть подразделен на целый ряд разновидностей в зависимости от той роли, которую в складывании новой этнической общности в результате синтеза суперстрата и субстрата сыграли их отличительные особенности, прежде всего лингвистические и антропологические.

В той или иной мере синтез не исключен и при первых двух выделенных нами вариантах. Они отличаются от третьего лишь постольку, поскольку предполагается, что поглощение одним этносом другого не всегда влечет за собой создание новой этнической общности, существенно отличной от этноса, выступающего в роли ассимилятора. Истории народов мира известны подобные случаи. Наглядной иллюстрацией второго варианта могут, например, служить так называемые протоболгары, которые в конце VII в. н. э., подчинив себе союз семи славянских племен на Балканах, вскоре полностью растворились в массе славянского населения, оставив ему свое наименование⁴.

Что же касается первого варианта, то в научной литературе, посвященной этнической истории, для него можно найти, наверное, не меньшее число примеров, чем для третьего. При этом к полной ассимиляции завоевателями аборигенов обычно относят значительную часть тех случаев, когда языком-победителем оказывается язык суперстрата; одновременно предполагается отсутствие существенных следов влияния субстрата⁵. Поскольку же такое отсутствие, в свою очередь, представляется возможным лишь при условии либо полного оттеснения завоевателями аборигенов с занимаемой ими территории, либо уничтожения их большей части, постольку соответственно субстрат, как правило, изображается относительно малочисленным. Между тем при таком толковании вопроса о соотношении аборигенов и завоевателей в случае победы языка последних нередко упускается из вида, что показания лингвистики при решении данного вопроса не могут служить единственным критерием. Об этом, в частности, все более весомо начинают свидетельствовать накапливаемые антропологические материалы. В свете этих материалов многие из тех явлений в истории переселений народов, которые обычно квалифицируются как случаи полной или почти полной ассимиляции завоевателями аборигенов, в действительности оказываются синтезом двух этносов, т. е., согласно нашей классификации, не первым, а третьим вариантом. В подтверждение можно привести факты, относящиеся к этнической истории самых различных частей ойкумены. Однако рамки статьи заставляют ограничиться лишь несколькими, на наш взгляд, достаточно наглядными иллюстрациями.

В современном славяноведении, например, широко распространено представление, что после переселения южных славян на Балканы аборигены быстро растворились в монолитной славянской среде. При этом,

³ В отличие от обычного употребления этих понятий в лингвистической литературе, мы подразумеваем под «этническим субстратом» местное население, под «этническим суперстратом» — пришлое население (см.: В. И. Абаев, О языковом субстрате, «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1956, № 9, стр. 50—69).

⁴ См. Н. С. Державин, История Болгарии, т. II, М., 1946, стр. 17; И. Митев, Кратка история на българския народ, София, 1951, стр. 29.

⁵ При этом в лучшем случае дело ограничивается указанием на наличие в суперстрате следов влияния отдельных элементов языка и культуры ассимилированного субстрата.

как правило, подчеркивается немногочисленность населения, обитавшего на занятой южными славянами обширной территории, которая простиралась от Восточных Альп до Пелопоннеса⁶. Роль фракийско-иллирийского субстрата в формировании новых этнических общностей на Балканах обычно сводится к констатации некоторого его влияния на словарный фонд, а отчасти и грамматический строй южнославянских языков⁷. Кроме того, в специальной литературе можно встретить указания на длительное сохранение на Балканах отдельных элементов материальной культуры, обычаев и обрядов, восходящих к дославянскому населению⁸.

Между тем антропологические данные позволяют критически отнестись к этой точке зрения. В первую очередь следует назвать вышедшую в 1959 г. обширную работу М. Попова по антропологии болгарского народа. В ней суммированы результаты всех предшествующих исследований и показано с полной определенностью, что болгары могут быть включены в темнопигментированную южную или средиземноморскую ветвь европеоидов⁹. Имеющиеся же материалы по антропологии западных и восточных славян свидетельствуют о том, что они относятся к переходной между южными и северными европеоидами зоне в составе европеоидной расы. Следовательно, судя по данным М. Попова, в целом болгары антропологически больше сближаются с народами Северного Кавказа и Средиземноморья, чем с западнославянскими и восточнославянскими народами. Вывод этот получил общее подтверждение и дальнейшую конкретизацию в еще более полном антропологическом обследовании болгарского народа, предпринятом А. Н. Пуляносом в 1963 г. по программе Института этнографии АН СССР и доложенном на 1-ом Международном конгрессе по балканистике в София¹⁰. По его наблюдениям, можно говорить о глубокой древности антропологических типов на территории Болгарии (один тип — брахицефальный со средней пигментацией; другой — мезоцефальный, темнопигментированный). Антропологические же типы, связанные с восточными славянами, отмечаются лишь на севере и частично на западе страны. На этой территории наиболее светлый и долихоцефальный — родопский тип¹¹. Таким образом, есть основания полагать, что расселение славян в пределах Болгарии, приведя к победе их языка, не сопровождалось полной сменой физического типа местного автохтонного населения. Остается, правда, не до конца ясным сам процесс формирования на территории Болгарии современных антропологических типов. В первую очередь, это относится к вопросу о масштабах воздействия на него многовекового турецкого господства. Однако косвенный ответ на данный вопрос дает недавно проведенное палеоантропологическое обследование краниологических коллекций по средневековому населению Бол-

⁶ См., например, «История Болгарии», т. I, М., 1954, стр. 48; «История Югославии», т. I, М., 1963, стр. 33; В. Тъпкова-Займова, Нашествия и этнические промени на Балканите, София, 1966, стр. III. Несколько иную точку зрения см. в кн.: «История на България», I, София, 1954, стр. 57.

⁷ «История на България», I, стр. 57; «История Югославии», т. I, стр. 35; «Historija naroda Jugoslavije», I, Zagreb, 1953, str. 97—98.

⁸ См. например, «Народы зарубежной Европы», т. I («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 352—353.

⁹ М. Попов (в сотрудничестве с Г. Г. Марков), Антропология на българския народ, т. I. Физически облик на българите, София, 1959.

¹⁰ А. Роилянс, Антропологическият состав на народите на територията между Эгейским морем и Дунаем, 1-er Congrès international des études Balkaniques et Sud est européennes. Resumés des communications. Ethnographie et arts, Sofia, 1966, p. 59—60.

¹¹ Там же.

гари (VI—XV вв.). Оно свидетельствует, что это население мало отличается от современного, что «на протяжении тысячелетия не произошло существенных изменений в физическом облике болгар»¹². Об этом же говорит и установленное М. Поповым полное сходство болгар-мусульман с основной массой болгар.

Что касается Югославии, то, как известно, некоторые группы ее современного славянского населения обнаруживают антропологические особенности, неизвестные нигде по всей остальной территории расселения славяноязычных народов. К их числу относятся брахицефалия, сравнительно высокий рост, большие размеры лица и головы, высокое переносье и выпуклый профиль спинки носа при относительно темной пигментации и довольно сильном развитии третичного волосяного покрова¹³. В составе населяющих высокогорные районы черногорцев такая комбинация признаков выражена особенно четко¹⁴. И хотя вопрос о генезисе этого так называемого «динарского» типа является дискуссионным, представляется все же наиболее вероятным видеть в нем одно из наиболее ярких свидетельств того, что в формировании антропологического облика некоторой части современного славяноязычного населения Югославии немалую роль сыграли дославянские аборигены.

Весьма показательной в интересующем нас отношении является также проблема осетин. Начиная с конца прошлого века, в литературе широко распространилась гипотеза иранского происхождения осетин. Она основывалась на известном и не вызывавшем никаких сомнений факте принадлежности осетинского языка к иранской ветви индоевропейской семьи языков. Сделанный из этого факта вывод об иранской основе этногенеза осетин получил дополнительное и очень веское доказательство после того, как была признана иранская принадлежность скифского языка и установлен длинный ряд соответствий между ним и осетинским языком¹⁵. Этот вывод подтверждается также и широким расселением алан по степным и предгорным районам всего Северного Кавказа, зафиксированное самими разнообразными письменными источниками¹⁶. Таким образом, предполагалось, что аланы — многочисленный ираноязычный народ Северного Кавказа, переселившийся туда, по-видимому, из степных районов Средней Азии и Приуралья в первые века н. э., — были оттеснены в эпоху позднего средневековья в горы (скорее всего монголами) и дали начало осетинскому народу. Некоторые исследователи прямо ставят знак равенства между средневековыми аланами и современными осетинами¹⁷.

¹² Н. М. Постникова, Антропологический состав населения Болгарии в эпоху средневековья (К вопросу об этногенезе болгарского народа), автореферат канд. дисс., М., 1967, стр. 9.

¹³ С. Сооп, *The mountains of giants*, Cambridge, Massachusetts, 1950.

¹⁴ См. Ж. Гаврилович, Неке антрополошки особености Црногораца, «Зборник радова Српска Академия науке и уметности», 71, Београд, 1960; V. Lebzelter, *Rasse und Volk in Südosteuropa*, «Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», B. LIX, 1929; B. Males, *Contribution aux recherches sur les caractères des tribus monténégrines et voisines*, «Anthropologie», t. IX, № 2—3, Prague, 1931; J. Valsik, *Czarnogorce z okolicy Durmitory*, «Przegląd antropologiczny», t. 8, 1934; см. также С. Сооп, *The races of Europe*, New York, 1939.

¹⁵ В. И. Абаев, Скифский язык, в кн.: В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949; его же, Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада, М., 1965.

¹⁶ Сводку их см.: Ю. А. Кулаковский, Аланы по сведениям классических и византийских писателей, Киев, 1899.

¹⁷ См., например, З. Н. Ванеев, Средневековая Алания, Цхинвали, 1959.

В непримиримое противоречие с такой концепцией пришли выделение довольно значительного местного субстрата в составе осетинского языка и результаты археологических исследований. Местный кавказский субстрат был выделен не только в лексике, но и в элементах строя осетинского языка, а также в топонимике на территории Осетии¹⁸. С помощью археологических данных удалось выявить древние местные корни многих элементов народной культуры осетин и датировать их возникновение минимум рубежом поздней бронзы и раннего железа, иными словами, возвести генезис этих элементов к населению кобанской культуры¹⁹. Но, пожалуй, особенно демонстративными в этом отношении были результаты изучения антропологического состава осетинского народа. Оно показало, что осетины являются классическими представителями так называемого кавкасионского типа, не имеющего аналогий за пределами кавказской территории²⁰.

Средневековые же аланы отличались от осетин настолько сильно, что разница между ними соответствует по масштабу разнице между крайними вариантами европеоидной расы. Следовательно, нет никаких оснований предполагать генетическое родство между ними. А отсюда закономерно вытекает вывод — пришлое население передало местному свой язык, оказало влияние на его культуру, но физически современные осетины в значительной мере связаны с доаланским населением Центрального Кавказа.

Аналогичный пример — сложная и интересная картина происхождения западных соседей осетин — балкарцев и карачаевцев. Как известно, они говорят на одном из тюркских языков. Этим определяется преимущественное господство гипотезы тюркского происхождения балкарцев и карачаевцев в историко-этнографической литературе.

Между тем антропологически балкарцы и карачаевцы не отличаются от осетин и обнаруживают не менее четко выраженные особенности кавкасионского типа. А принадлежность к этому типу свидетельствует о формировании антропологических признаков народа в местной центрально-кавказской этнической среде, а значит — и о местных истоках его этногенеза. По отношению к балкарцам и карачаевцам единственной формой примирения лингвистических и историко-этнографических данных с результатами антропологических исследований является вывод о том, что теснимые монголами кипчаки, переселившись в середине XIII в. с равнины в ущелья Главного Кавказского хребта, передали местному населению свой язык и оказали влияние на его культуру. Поэтому современные балкарцы и карачаевцы сохраняют все характерные морфологические черты древнего местного населения²¹.

¹⁸ В. И. Абаев, *Осетинский язык и фольклор*, т. I.

¹⁹ См. Е. И. Крупнов, *Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность*, «Сов. археология», 1964, № 1.

²⁰ В. В. Бунак, *Черпа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении*, «Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XIV, М. — Л., 1953; М. Г. Абдушелишвили, *Материалы к краниологии Кавказа*, «Труды Ин-та экспериментальной морфологии АН ГрузССР», т. V, Тбилиси, 1955; К. Х. Беслекоева, *Краниология осетин и происхождение осетинского народа*, «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та», т. XIX, Орджоникидзе, 1957. М. А. Абдушелишвили, *Антропология древнего и современного населения Грузии*, Тбилиси, 1964.

²¹ Этногенез балкарцев и карачаевцев на основе антропологических материалов специально рассмотрен: В. П. Алексеев, *Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии*, сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960.

Следующий пример, также связанный с историей тюркского этнического мира, переносит нас на восточную границу распространения тюркских народов. Он почерпнут из этнической истории тюркоязычных хакасов. Распространенной является гипотеза, согласно которой хакасы произошли от енисейских кыргызов — этнической группы, переселившейся на Енисей с юга и создавшей в VII—VIII вв. в Хакасско-Минусинских степях какое-то не очень устойчивое государственное объединение²².

Рассматривая вопрос в свете антропологических материалов, прежде всего нужно отметить бесспорный факт антропологической неоднородности хакасов²³. Качинцы и частично сагайцы сближаются с казаками и киргизами — представителями южносибирского антропологического типа. И, следовательно, о генетической преемственности с енисейскими кыргызами можно говорить только для этих групп.

Что касается прямой преемственности с древним населением остальных групп хакасов (бельтыров, верхнеабаканских шорцев, кызыльцев и койбалов), то она устанавливается не с енисейскими кыргызами, а с населением местной, так называемой таштыкской культуры, датируемой рубежом нашей эры²⁴. В физическом облике этих групп заметно лишь очень небольшое влияние антропологического типа енисейских кыргызов.

Одним словом, полная тюркизация местного населения Хакасии по языку не сопровождалась сменой населения и разрывом генетической преемственности между этническими группами рубежа нашей эры и современными хакасами.

Выше приведены примеры того, как накопленный за последнее время антропологический материал в ряде случаев дает возможность отказаться от традиционной точки зрения на большой удельный вес пришлого населения в сложении новых этнических общностей и выявить, наоборот, большую роль местного субстрата в процессах их формирования. Однако можно назвать и несколько общеизвестных примеров сохранения генетической непрерывности при смене языков. Ограничимся тремя — этнической историей азербайджанцев, турок и египтян.

Почти во всех классификациях азербайджанцы относятся к северным вариантам индо-афганской расы, типичные представители которой расселены в Афганистане и Северной Индии. От других рас южной ветви европеоидов индо-афганцы отличаются темной пигментацией и относительно слабым развитием волосяного покрова на лице и теле (особенно в сравнении с представителями переднеазиатской расы)²⁵. Обширные исследования на территории Азербайджана не выявили ни в одной из территориальных групп сколько-нибудь заметной монголоидной примеси²⁶. В то же время общеизвестно, что к XII—XIII вв. относится смена аборигенным населением Азербайджана коренных языков на тюркский разговорный язык в результате неоднократных вторжений тюр-

²² С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951.

²³ В. П. Алексеев, Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, М., 1960. Кызыльская серия все еще остается неопубликованной.

²⁴ А. Н. Липский, Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии (II в. до н. э.—IV в. н. э.), Краеведческий сб., № 1, Абакан, 1956; его же, К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов, «Сов. этнография», 1966, № 1; А. Р. Кызласов, Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины, М., 1960.

²⁵ См.: «Народы Южной Азии» («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1963, стр. 45—50.

²⁶ См., например, Р. М. Касимова, Антропологическое исследование современного населения Куринской долины, «Вопросы антропологии», вып. 5, 1960

кочевников²⁷. Они не принадлежали к индо-афганской расе и имели в своем составе монголоидную примесь²⁸. Таким образом, переход на тюркскую речь не сопровождался сменой физического типа и заменой местного населения — потомков этнических групп древней Мидии — новыми пришельцами. Глубокие и древние этнические связи азербайджанцев выявляются и этнографическими материалами²⁹. Что же касается их признания в историко-этнографической литературе, то они сейчас не вызывают сомнений³⁰.

Аналогичным образом решается в историко-этнографической литературе и проблема происхождения турецкого народа. И исторические источники, и этнографические материалы свидетельствуют о том, что сгузы и другие тюркские племена, начавшие проникать в Малую Азию, по-видимому, в середине XI в. н. э., интенсивно смешивались с местным населением³¹. Изучение современного турецкого языка выявляет довольно значительное число субстратных элементов греческого происхождения³². Антропологические данные показывают, что турки генетически близки к армянам, персам и древнейшему населению Передней Азии³³. Таким образом, и в данном случае бесспорны местные истоки этногенеза, несмотря на лингвистический разрыв с соседними народами и близость к тюркскому этническому миру³⁴.

Широкое распространение арабского языка в долине Нижнего Нила, как известно, падает на конец I — начало II тысячелетия и связано с проникновением ислама. Таким образом, судя по языку, можно бы видеть в современных египтянах потомков арабов, с которыми пришел в Египет ислам. Но антропологически современные египтяне мало отличаются от древнего населения Египта и Нубии. Кстати сказать, население бассейна Нила вообще характеризовалось исключительной стабильностью антропологических признаков, свидетельствующей о генетической непрерывности на протяжении минимум шести тысяч лет, с эпохи Древнего царства до современности³⁵. Ни большие нашествия варваров (например, гиксосов), ни значительные изменения в культуре не связаны были, очевидно, с изменением антропологического типа, с приливом новых этнических компонентов и их укоренением в местной этнической среде. Современные египтяне, следовательно, не потомки ара-

²⁷ «Народы Кавказа» («Народы мира. Этнографические очерки»), т. II, М., 1962, стр. 45.

²⁸ Все средневековые могильники на территории южных районов СССР, оставленные тюркскими и монгольскими кочевниками, дают черепные серии с сильно выраженными монголоидными признаками.

²⁹ «Народы Кавказа» («Народы мира. Этнографические очерки»), т. II, М., 1962.

³⁰ Там же, стр. 42—46.

³¹ «Народы Передней Азии» («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1957, стр. 309—311.

³² Д. Е. Еремеев, Язык как этногенетический источник (из опыта лексического анализа турецкого языка), «Сов. этнография», 1967, № 4.

³³ Обзор данных см.: Н. Field, Ancient and modern man in South-Western Asia, vol. I—II, Florida, 1956—1961.

³⁴ О сильноном иранском домусульманском влиянии (культурном и этническом) на сельджуков писал еще акад. В. А. Гордлевский. См. его работу: «Государство сельджукидов Малой Азии», М.—Л., 1941. Второе издание: В. А. Гордлевский, Избранные сочинения, т. I, Исторические работы, М., 1960.

³⁵ Для Египта это показано: G. Morant, A study of Egyptian craniology from prehistoric to Roman times, «Biometrica», vol. XVIII, 1925, part 1—2; A. Batrawi, The racial history of Egypt and Nubia, part II. The racial relationships of the ancient and modern populations of Egypt and Nubia, «Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. LXXVI, 1946, part II.

бов-завоевателей, а в основной своей массе потомки местного населения, что давно уже признано исторической наукой³⁶.

Остается еще рассмотреть вопрос — не имеем ли мы во всех приведенных примерах дела с закономерным изменением антропологических признаков во времени под воздействием среды?

Антропологические признаки, безусловно, изменяются, в том числе и под воздействием среды. Но изменения эти, происходящие в силу селективных причин, генетико-автоматических процессов в условиях изоляции и т. д., осуществляются на протяжении огромных промежутков времени, исчисленных тысячелетиями³⁷. К тому же эти изменения не характерны для признаков, по которым различались антропологические типы во всех рассмотренных случаях. Таким образом, гипотеза изменения антропологических признаков во времени и под непосредственным воздействием среды не может объяснить наблюдаемых различий и, следовательно, не лишает убедительности приведенные выше соображения.

Предшествующее изложение ставит и еще один чрезвычайно важный вопрос, касающийся представительности антропологических данных вообще, — в какой мере пропорционален удельный вес антропологических типов местного и пришлого компонентов численности их репродуктивной части, принявшей участие в смешении?

Для ответа на этот вопрос важно иметь в виду, что по полимерным признакам, наследование которых определяется многими генами, промежуточное положение смешанной группы между исходными устанавливается в первом же поколении, причем положение это пропорционально доле исходных компонентов³⁸. А к числу таких полимерных признаков относятся все морфологические признаки — размеры головы и лица, размеры тела, все размеры, определяемые на черепе и скелете, другими словами, подавляющее число признаков, с которыми приходится иметь дело антропологу. Именно по этим признакам проведены все предшествующие сопоставления, опирающиеся в значительной своей части и на палеоантропологический материал. Следовательно, на основании антропологических особенностей группы можно уверенно судить об удельном весе исходных компонентов, принявших участие в ее формировании.

Применительно к приведенным примерам это значит, что этнический суперстрат по крайней мере не был более многочисленным, чем субстрат. Но здесь неизбежно возникает новый вопрос: какие же в таком случае обстоятельства предопределяли победу языка суперстрата?

Решение этого чрезвычайно сложного, но незаслуженно забытого вопроса нуждается в специальных изысканиях. В данной статье излагаются лишь некоторые предварительные наблюдения и соображения.

В связи с поставленным вопросом прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что аборигены, фигурирующие во всех рассмотренных примерах, либо не имели письменности вообще, либо в своем подавляющем большинстве не знали письменности. Известно, что отсутствие

³⁶ «Народы Африки», («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1954, стр. 147—148.

³⁷ Литература об изменчивости антропологических признаков и факторах расообразования огромна и постоянно пополняется. Новейший обзор данных см.: «The biology of human variation», «Annales of the New York Academy of Sciences», vol. 134, part 2, New York, 1966.

³⁸ Данные о вариациях полимерных признаков в смешанных популяциях по сравнению с исходными сведены: I. C. Trevor, Race crossing in man. The analysis of metrical characters, Eugenics Laboratory Memoirs, vol. XXXVI, London, 1953.

письменности особо благоприятствуют смене языков. Как свидетельствуют, в частности, материалы, относящиеся к бесписьменным народам Советского Союза, такие народы наиболее подвержены языковой интеграции, связанной с переходом на язык другой национальности³⁹.

Однако в нашем случае бесписьменными являются не только аборигены, но, как правило, и завоеватели. Следовательно, бесписьменность может рассматриваться лишь как особо благоприятное условие для смены одного языка другим, но не как причина того, что язык пришлого населения оказался языком-победителем.

Такую причину вряд ли следует усматривать и в большей простоте языка этнического суперстрата. Представление, что при взаимодействии языков двух этнических общностей «победа остается за языком, легче усвояемым»⁴⁰, отвергается современным языковедением⁴¹. Лишь при прочих равных условиях большая легкость и простота одного из языков двух взаимодействующих этнических общностей может, видимо, сыграть известную роль в победе именно этого языка. Однако в рассматриваемой нами разновидности взаимодействия этнических общностей такое равенство явно отсутствует.

Все это заставляет искать ответ на поставленный выше вопрос прежде всего в социальных факторах. На их важную роль в процессе взаимодействия двух языков лингвистами уже давно обращено внимание. Однако это общее положение следует дифференцированно применять к различным историческим эпохам и разным видам взаимодействия этносов. В частности, утверждение отдельных языковедов, что при взаимодействии двух этнических общностей должен восторжествовать язык более высокой цивилизации⁴², представляется неприемлемым для рассматриваемого нами случая. В самом деле, нет никаких оснований считать, что, например, в VI—VII вв. славяне, только что вступившие на путь классообразования, находились на более высоком уровне социально-экономического и культурного развития, чем фракийцы, которым уже давно были известны классовые отношения.

Но было бы, очевидно, не менее ошибочным на этом основании в рассматриваемом случае вообще сбрасывать со счета культурно-идеологические факторы. В первую очередь, это относится к религии. Ведь хорошо известно, что установление новой веры обычно влекло за собой широкое распространение определенного языка и появления у части населения двуязычия (например, католицизм и латинский язык). А в отдельных случаях религии явно принадлежала весьма активная роль в победе соответствующего языка. Общеизвестно, в частности, что такую роль сыграл ислам при распространении арабского языка в Египте⁴³.

Для языковой ассимиляции пришлым населением аборигенов, несомненно, имело значение и соотношение уровней хозяйственно-культурного развития этих двух этносов. Известно, например, что распространению арабского языка среди берберов Северной Африки в результате арабского завоевания содействовал сходный кочевой образ жизни обоих эт-

³⁹ См. Ю. Д. Дешериев, Развитие младописьменных языков народов СССР, М., 1958, стр. 153.

⁴⁰ И. А. Бодуэн де Куртене, Избранные труды по общему языкознанию, т. I, М., 1963, стр. 367.

⁴¹ См. Ю. Д. Дешериев, Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, М., 1966, стр. 100—102.

⁴² О. Шрадер, Сравнительное языковедение и первобытная история, СПб., 1886, стр. 167.

⁴³ «Народы Африки», стр. 181.

нических компонентов, обусловивший значительную общность их культуры⁴⁴.

Вместе с тем можно предположить, что языковой ассимиляции коренного населения также способствовало усвоение им способа производства завоевателей или синтез способов производства взаимодействующих этносов. Впрочем, эта гипотеза требует специального рассмотрения; ее проверка на основе свидетельств письменных источников, археологических и этнографических материалов — хотя и чрезвычайно трудная, но, безусловно, весьма заманчивая задача. В ожидании ее всестороннего решения представляется весьма важным подчеркнуть, что языковая ассимиляция аборигенов обычно не имела места в тех случаях, когда завоеватели оставляли им старый способ производства, довольствуясь данью. Подобная ситуация сложилась, например, во время многовекового турецкого господства на большей части Балканского полуострова.

Особое внимание привлекает такая общая характерная черта рассматриваемой нами разновидности взаимодействия двух этносов, как политическое господство пришлого населения. Уже одна бесспорная всеобщность этого фактора дает основание полагать, что он играл немаловажную роль в победе языка этнического суперстрата. Этому, видимо, в большинстве случаев первоначально содействовала особая сплоченность завоевателей, обусловленная военной демократией. И все же было бы, разумеется, упрощением полагать, будто политическое господство автоматически предопределяло победу языка завоевателей. Оно, судя по всему, лишь создавало особо благоприятные условия для такой победы, оказывая обычно значительное влияние на многие стороны культурно-хозяйственного развития страны. В тех случаях, когда господство завоевателей не влекло за собой сколько-нибудь существенных перемен в хозяйственно-культурной жизни, в способе производства аборигенного населения, оно, как уже было отмечено, сохраняло свой язык. К тому же есть основание считать, что вообще существовал какой-то предел количественного преобладания аборигенов над пришлым населением, за границами которого политическое господство последних не могло обеспечить условия, необходимые для победы их языка. Примером этого, очевидно, может служить судьба уже не раз упоминавшихся протоболгар.

Фактор политического господства в известной мере должен был сказаться и на лингвистических особенностях переходного периода, отделяющего начальный момент столкновения переселенцев-завоевателей с аборигенами от завершения процесса становления новой этнической общности. Господствующее положение пришлого населения наводит на мысль, что в языковом отношении этот период нередко был временем преимущественно одностороннего двуязычия, т. е. двуязычия лишь для аборигенов.

Социальные моменты не могли не сказаться и на процессе антропологического взаимодействия субстрата и суперстрата. В рассматриваемых случаях оба они находились уже за порогом доклассовых отношений и, следовательно, экзогамно-эндогамные ограничения не могли служить серьезным препятствием для смешанных браков. А это, в свою очередь, должно было отразиться на темпах распространения языка этнического суперстрата.

Итак, одним из типичных последствий взаимодействия переселенцев-завоевателей с аборигенами было своеобразное сочетание в новой этнической общности языка суперстрата с преобладанием физического

⁴⁴ Там же, стр. 136—139.

типа субстрата. Учет этого обстоятельства, как мы видели, в ряде случаев позволяет преодолеть наследие миграционистских представлений, не впадая в то же время в крайности автохтонизма. Язык, безусловно, как это и принято в современной науке, следует считать основным этническим показателем. Однако языковая принадлежность и происхождение народа — явления далеко не идентичные.

SUMMARY

Among mass population migrations those must be singled out which were connected with the development of early class society. In the course of this process the main ethnic units of primitive society — «tribes» — were superseded by new and larger ethnic communities usually termed in Soviet literature «narodnost».

In studying the interrelationships between newly arrived and local populations attention is first of all centred on the language of the newly formed ethnic community. In those cases where the language of the newcomers prevails their numerical preponderance over the aborigines is usually assumed. However such an assumption ignores the fact that linguistic data cannot be considered the only criterion. This is shown more and more clearly, among other data, by anthropological materials.

The following instances may be adduced:

- a) the prevalence of traits characteristic of the local pre-Slav population in the anthropological types of a number of South Slav peoples;
- b) the Ossets speak an Iranian language while anthropologically they are identical with indubitably local peoples of Central Caucasian origin;
- c) the Balkars and the Karachays speak Turkic languages while their anthropological traits are also identical with those of the local Caucasian peoples;
- d) the Khakass speak a Turkic language while anthropologically they are closely related to the pre-Turkic population of the Khakass-Minusinsk Valley.

Indisputable instances may also be adduced where the new ethnic communities have been formed by a merging of newcomers with the local population; such is the ethnic history of the Azerbaijanians, the Turks, the Egyptians.

In interpreting these facts it should be held in mind that basic racial traits are characterized by great stability. Consequently the above-mentioned anthropological data warrants the conclusion that the local population was more numerous than the newcomers.

What were the causes that had led to the victory of the language of the alien conquerors in these cases? The answer to this question must be sought primarily in social factors. One of the most important appears to be the factor of political domination. However even this factor does not act directly but exerts its influence through various fields of cultural and economic life.

Thus we may conclude that one of the typical consequences of interaction between alien conquerors and the aborigines among whom they had settled was a combination within the newly-formed ethnic community of the language of the ethnic superstratum with the physical type of the substratum.
